

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор)

Михаил Николаевич ГРАЧЕВ

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института

Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Миусская пл., д. 6, Москва, Российская Федерация

E-mail: grachev.m@rggu.ru

ORCID: 0000-0002-4211-3711

Роман Владимирович ЕВСТИФЕЕВ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 600017, ул. Горького, д. 59а, Владимир, Российская Федерация

E-mail: roman_66@list.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

ЦИТИРОВАНИЕ: Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. (2020) Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

АННОТАЦИЯ. Появление феномена «постправды» как доминирования эмоций и мнений над фактами, широкое распространение недостоверной информации, стремительный рост потока фейковых новостей в современном пространстве политической коммуникации выступают внешними проявлениями более сложной системы вызовов, основания которой заключаются в изменившемся характере медиасреды и способах обработки информации сознанием индивидов, которые, в свою очередь, обусловлены преобладающими политическими и экономическими отношениями. Данная система

вызовов, получившая название «разрушение правды», характеризуется совокупностью четырех взаимосвязанных и взаимообусловленных тенденций, проявляющихся в современных политико-коммуникационных процессах: нарастанием противоречий между фактами и интерпретациями этих фактов; стиранием различий и границ между фактами и мнениями; усилением влияния высказываемых мнений и личных точек зрения на восприятие фактов; снижением доверия массовой аудитории к ранее считавшимся авторитетными источникам информации. Очевидно, что указанные тен-

денции проявлялись и ранее, однако их воздействие на общественное сознание становится особенно заметным и осязаемым с наступлением «цифровой эпохи». Есть основания полагать, что подобное воздействие в известной степени может быть обусловлено целенаправленными усилиями отдельных политических акторов, преследующих собственные интересы. Авторы анализируют недавно опубликованные результаты исследований, проведенных специалистами корпорации RAND, которые наглядно демонстрируют эрозию публичного дискурса и убедительно объясняют их с позиций концепции «разрушения правды». Данное направление исследований является новым для политической науки и пока основывается исключительно на анализе материалов, имеющих отношение к американской действительности. Однако, по мнению авторов, выводы, к которым приходят ученые из США, имеют более общий характер и представляют несомненный интерес для исследования современных процессов политической коммуникации в других странах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация, разрушение правды, постправда, фейковые новости, цифровая эпоха, трансформация коммуникационной среды, публичный дискурс, интерпретация фактов

«Разрушение правды» как проявление «темной стороны» цифрового мира

Новая информационная реальность, тесно связанная с цифровой эпохой, в которую вступил современный мир, не только открывает широкие возможности, но и несет в себе ранее неизвестные риски и угрозы дальнейшему

общественному развитию. Осмысление противоречивых проявлений воздействия коммуникационных технологий на различные стороны человеческого бытия способствует появлению и введению в научный оборот неологизмов и оригинальных теоретических конструкций, посредством которых исследовательское и экспертное сообщество стремится отразить происходящие изменения и раскрыть обуславливающие их причины.

Одним из таких новых понятий, имеющих очевидную эмоционально-экспрессивную окраску, стало словосочетание «разрушение правды» (Truth Decay), предложенное в недавно опубликованной монографии президента американской исследовательской корпорации RAND М.Д. Рича и его коллеги Дж. Каваны для обозначения негативных процессов в сфере политической коммуникации, заметно усиливающихся по мере цифровизации общества и способствующих серьезной деформации публичного дискурса. Данное понятие соотносится с комплексом явлений, устойчиво наблюдаемых в современном коммуникационном пространстве, объединяющим в себе четыре взаимосвязанных и взаимообусловленных тренда:

- нарастание противоречий между фактами, объективными данными и их интерпретациями;
- стирание различий и границ между фактами и мнениями;
- количественный рост распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, влияние которых существенным образом сказывается на восприятии фактов;
- утрата доверия массовой аудитории к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными [Kavanagh, Rich 2018, p. 3].

Указанные тренды в своей совокупности формируют новую интерпретативную модель коммуникации применительно к современному публичному дискурсу, особенно в его политическом измерении. Актуальность обращения к анализу данной модели и ее объяснительных возможностей объясняется, прежде всего, стремлением не только отразить негативные процессы, связанные с изменением характера и содержательной стороны политических дискуссий и споров граждан о государственной политике, развернувшихся в последнее время в цифровом пространстве, но и выявить глубинные причины, способствующие возникновению и расширенному распространению этих процессов, с целью определения возможных путей преодоления их деструктивных последствий.

Следует отметить, что концептуальные идеи, заложенные в модель «разрушения правды», тесно переплетаются с тревожной оценкой глобальных угроз миру и человечеству, представленной в выступлении Генерального секретаря ООН А. Гуттериша на заседании Генеральной Ассамблеи организации в январе 2020 г. Он привел устрашающую метафору, представив эти угрозы в образе «четырех всадников», тем самым проводя очевидные параллели с библейскими всадниками Апокалипсиса. Первый из них выступает в форме глобальной геостратегической напряженности, достигшей наивысшего уровня в последние годы. Второй – это климатический кризис, угрожающий существованию человечества. Третий «всадник» – усиление всеобщей неуверенности, беспокойства и недовольства, связанных с убеждением все более значительного количества людей в том, что «глобализация не работает для них», рост неравенства, снижение доверия к политическим институтам, распространение страхов и тревог, настроений

вражды и ненависти. Четвертая угроза – это «темная сторона цифрового мира», в котором «несмотря на огромные преимущества, новые технологии используются в том числе и для совершения преступлений, разжигания ненависти, фальсификации информации, угнетения и эксплуатации людей, вторжения в частную жизнь». Как заключает А. Гуттериш, «эти четыре всадника... могут поставить под угрозу каждый аспект нашего общего будущего» [Secretary-General's Remarks 2020].

Тренды «разрушения правды», непосредственно связанные с третьей и четвертой глобальными угрозами современному миру, указанными в выступлении Генерального секретаря ООН, отчетливо проявляются в публичном дискурсе отдельных стран, демонстрирующем утрату доверия значительной части граждан к деятельности традиционных институтов и распространяемым ими официальным сведениям, поляризацией мнений и конфронтационными спорами в сетевом пространстве по поводу наиболее острых проблем современного общества и путей их решения. Участники этих споров в подтверждение собственной позиции в эмоционально окрашенном противостоянии с оппонентами апеллируют скорее не к фактам, а к частным точкам зрения, домыслам, непроверенным слухам и откровенной лжи.

К сожалению, Россия не стала в этом плане исключением, о чем свидетельствует, в частности, развернувшаяся в последние месяцы в отечественном сегменте Интернета жесткая полемика по поводу мер, предпринимаемых в связи с распространением коронавирусной инфекции. Характеризуя нынешнее состояние российской сетевой аудитории, управляющий директор по коммуникациям Центра социального проектирования «Платформа» А.В. Фирсов отметил, что она раз-

делилась на две части, которые можно назвать «алармистами» и «антипаникерами»: «Они распались и заиклились друг на друге. Условно говоря, происходит такая фрагментация, когда люди выбирают наиболее комфортную модель интерпретации происходящего и вокруг этой модели начинают группироваться. И понятно, что когда люди оказываются внутри какой-то модели, они начинают ее усиливать, подбрасывать туда топлива, доводя ее до абсурда. Формальные коммуникации между этими группами есть, но не скажешь, чтобы они слышали друг друга» [Эксперты РАСО 2020].

Указанные обстоятельства актуализируют обращение авторов настоящей статьи к исследованию трендов «разрушения правды», методология которого основывается на сочетании методов концептуального моделирования и дискурс-анализа. Построение концептуальной модели, предусматривающей изучение как самих трендов, так и причинно-следственных связей между ними и некоторыми новыми процессами и явлениями в сфере политической коммуникации, позволяет определить смысловую структуру рассматриваемой предметной области. Несомненно, каждый тренд имеет собственное значение в контексте данного исследования, однако анализировать их в качестве самостоятельных объектов, без учета взаимосвязи с другими, было бы, на наш взгляд, методологически некорректно. Объединение указанных трендов в общую конструкцию позволяет изучать и фиксировать способы, посредством которых они взаимоусиливают друг друга, способствуя тем самым развитию процессов деформации общественного дискурса. В свою очередь, дискурс-анализ, в общем виде предполагающий структурно-семиотическое изучение содержания сообщений, транслируемых как по традиционным, так и по

сетевым каналам массовой коммуникации, а также анализ реакции аудитории на данные сообщения, обусловленной конкретным контекстом их распространения, дает возможность выявить изменения в восприятии и понимании окружающей действительности и, соответственно, в ее отражении общественным сознанием.

Интерпретация политико-коммуникационных процессов на основе модели «разрушения правды» стремится в известной мере преодолеть односторонность и утилитарность логически связанных с ней концепций «постправды» и «фейковых новостей», привлекающих в последнее время заметное внимание исследователей и аналитиков. Авторство понятия «мир постправды» принадлежит американскому публицисту С. Тесичу, впервые употребившему его в своем эссе «Правительство лжи», которое было опубликовано в еженедельнике *The Nation* в январе 1992 г. Он использовал данное понятие, обращая внимание не столько на нечестность политиков, сколько на безразличие к истине или даже «бегство от истины» избирающих их граждан, которые «больше не хотели плохих новостей, независимо от того, насколько они правдивы или жизненно важны» [Tesich 1992, p. 12]. Тем не менее термин «постправда» закрепился в политическом лексиконе значительно позже, после того как в декабре 2011 г. известный экономист П. Кругман употребил его в качестве образной характеристики развернувшейся в то время в США президентской избирательной кампании, отличительной особенностью которой стало распространение кандидатом-республиканцем М. Ромни заведомо ложных заявлений, направленных на дискредитацию действовавшего президента Б. Обамы, с явной целью добиться более широкой общественной поддержки своей кандидатуры

[Krugman 2011]. Впоследствии, уже в ходе избирательной кампании Д. Трампа в 2016 г., термин «постправда» был признан издательством Оксфордского университета «словом года», однако он приобрел несколько иное толкование и стал соотноситься с различными ситуациями, в которых «объективные факты менее существенны при формировании общественного мнения, по сравнению с обращением к эмоциям и личным убеждениям» [Flood 2016]. Причем когда с течением времени раскрывается действительное положение дел, истина уже не вызывает у общественности заметного интереса.

Несколько позднее составители словаря Collins English Dictionary, выпускаемого как в печатной, так и в сетевой версии признали словосочетанием года выражение «фейковые новости» (fake news), которое обозначает откровенно ложную, нередко сенсационную информацию, распространяемую под видом новостных сообщений. В словаре указывается, что в 2017 г. частота употребления указанного словосочетания выросла на 365% [Flood 2017]. Во многом данное выражение обязано своей популярностью Д. Трампу, который часто использует его в своих публичных выступлениях.

Между тем фейковые новости не следует воспринимать исключительно как порождение цифровой эпохи, представляющее собой своего рода побочный продукт развития информационно-коммуникационных технологий. В качестве исторических предшественников сетевых фейков выступают так называемые газетные утки – сенсационные сообщения, содержащие непроверенные или ложные сведения, публикуемые в печати для привлечения внимания читательской аудитории и ее возможного расширения с целью увеличить тираж изданий и, соответственно, прибыль их владельцев. По мнению

академика В.В. Виноградова, появление данного выражения было связано с публикацией в далеком 1815 г. в одной из брюссельских газет нашумевшей заметки о якобы проведенном опыте, «доказывавшем» прозорливость и кровожадность обычных уток, которые оказались способны поедать порубленных на части своих сородичей [Виноградов 1999, с. 120].

В деловой и финансовой сфере оперирование сведениями, намеренно искажающими действительность, может применяться и в более существенных масштабах, приводя при этом к весьма серьезным последствиям. Так, согласно версии, изложенной в брошюре французского публициста Ж.-М. Матье-Дарнавеля, которая была впервые опубликована в середине XIX в. и с тех пор неоднократно переиздавалась, известный британский банкир Н. Ротшильд, узнав исход сражения при Ватерлоо до поступления официального сообщения о результатах битвы, начал стремительно продавать свои облигации на лондонской бирже и, подпитывая тем самым ложные слухи о возможной победе Наполеона, спровоцировал обвал рынка ценных бумаг. Когда акции упали в цене до минимума, Ротшильд скупил их через подставных агентов и в итоге за несколько часов значительно преумножил свое и без того немалое состояние [Mathieu-Dairnvaell 2013]. Несмотря на то, что в последнее время достоверность данной истории подвергается сомнению [Мануков 2015], она, будучи достаточно правдоподобной, нередко используется в качестве яркой иллюстрации, демонстрирующей возможности распространения недостоверной информации как технологии манипулирования общественным мнением в целях получения материальной выгоды.

В цифровую эпоху потенциал и эффективность подобного манипулятив-

ного воздействия значительно возросли. Каждый пользователь Интернета неоднократно сталкивался с тем, что после поиска каких-либо сведений во Всемирной Сети связанная с ними информация благодаря встроенным в поисковые системы специальным алгоритмам начинает появляться в контекстной рекламе. Сходные алгоритмы, основанные на анализе поисковых запросов, публикаций и комментариев пользователей, действуют и в социальных сетях, предлагая вниманию участников сетевых сообществ материалы, так или иначе пересекающиеся с их определенными интересами и при этом зачастую содержащие в себе ложные послы для совершения конкретных действий, диапазон которых может быть достаточно широким: от навязывания покупки каких-либо товаров до вовлечения в противоправную деятельность.

Согласно некоторым оценкам, «фейк, создаваемый на основе манипуляции подлинной информацией, со смещением акцентов и хронологической последовательности событий, завладевает вниманием не более 30–50% целевой аудитории», тогда как «фейк на основе реальной информации с щедрой долей выдуманных деталей влияет на восприятие уже 80% целевой аудитории» [Красовская 2020].

Изучение противоречивых тенденций, связанных с цифровизацией политической сферы, проявлениями феноменов «постправды» и стремительно растущим потоком распространения фейковых новостей, в российском сегменте сетевого пространства находят свое отражение в работах отечественных исследователей, опубликованных в последние годы [Бродовская 2019; Володенков 2019; Коньков 2019; Попова 2018; Сморгун 2018; Федорченко 2018 и др.]. Однако есть основания полагать, что многие из явлений, рассматриваемых

в рамках указанных исследований, выступают лишь симптомами гораздо более сложной системы вызовов, основания которой заключаются в изменившемся характере медиасреды и способах обработки информации сознанием индивидов, обусловленных, в свою очередь, преобладающими политическими и экономическими отношениями. По сути, фейковые новости сами по себе не являются движущей силой этих более глубоких процессов, и простое прекращение распространения дезинформации и «полуправды» едва ли окажется способным устранить очевидный сдвиг в общественном сознании, сопряженный с утратой доверия к объективным фактам, данным и результатам научного анализа событий в политической сфере. В результате узкое внимание к фейковым новостям и другим вопросам частного характера отвлекает от строгой и целостной оценки более обширного явления.

Коммуникационные противоречия и диссонансы в доцифровую эпоху

Следует признать, что недоверие и искажение фактов как социальные феномены и значимые элементы политических коммуникаций имеют долгую историю, и было бы неправильно связывать их только с цифровой эпохой. Достаточно вспомнить знаменитые рассуждения Платона о пещере, жители которой могут видеть только проекции реального мира и не в состоянии понять, что происходит на самом деле [Платон 1994, с. 295–298].

Собственно, схожую картину рисовал и К. Маркс, когда предлагал свой вариант выхода за пределы идеологической матрицы в реальный мир, полагая, что господствующий дискурс, основанный на определенной экономи-

ческой формации, отправляет на периферию все угрожающие ей интерпретации реальности [Маркс 1959, с. 5–9]. Стоит также напомнить, что одна из работ Э. Фромма, в которой предпринята попытка синтезировать идеи К. Маркса и З. Фрейда и оценить их вклад в последующее развитие знаний, носит весьма показательное название: «Из плена иллюзий» [Фромм 1992, с. 299–374]. При этом Фрейд, в отличие от Маркса, в концептуальном плане делал акцент скорее на культурные установки, гасящие все остальные проявления человеческой природы.

В настоящее время можно критически относиться к марксистской абсолютизации приоритета экономического развития и подвергать сомнению психоаналитические подходы Фрейда, однако нельзя не признать, что современное научное знание вполне признает такую структуру социального бытия, в котором происходит конкуренция концепций, предъявляющих свое объяснение окружающей реальности и навязывающих их собственную интерпретацию. Логика развития и распространения научного знания при этом такова, что объясняющие и интерпретирующие реальность концепции выстраиваются в иерархическом порядке: одни из них доминируют и подавляют другие, которые оказываются на какое-то время на периферии, но с течением времени данная иерархия может меняться. Кстати, Фромм достаточно подробно описывает фильтры, которые, по его мнению, не дают людям в процессе коммуникации правильно понимать сообщения. Среди этих фильтров немецкий психолог выделяет логику (т. е. правила мышления), социальные табу (закрытые для обсуждения темы) и язык (средство коммуникации) [Фромм 1992, с. 346–347].

В той же плоскости лежат и размышления Л. Шестова, который в сво-

ем произведении *Potestas clavium* (что означает «Власть ключей») рассуждал о церковной иерархии, присваивавшей себе право на исключительное толкование всего многообразия окружающей действительности [Шестов 1993]. Если перевести мысли философа на современный язык, то можно отметить, что он, по сути, имел в виду некий интеллектуальный формат, задаваемый властью с целью установления господства над умами людей. Существенно позже, но практически о том же самом говорил и французский социолог П. Бурдьё, обозначая «власть номинации» и указывая на необходимость для исследователей учитывать эту власть [Бурдьё 1993, с. 72–80].

Более подробно об относительности фактов и необходимости различения фактов и мнений писал Л. Флек, издавший в 1935 г. свою книгу «Возникновение и развитие научного факта», которая получила известность только в конце XX в. [Флек 1999]. Именно размышления Флека стали одним из краеугольных элементов нашумевшей работы Т. Куна, предложившего свою интерпретацию развития науки, в основе которой лежали научная коммуникация и смыслы, возникающие в ходе этой коммуникации [Кун 2001].

Следует обязательно упомянуть и тот факт, что в период между двумя мировыми войнами в Европе и США началось серьезное изучение проблем, связанных с воздействием массовой коммуникации на общественное сознание. В начале 20-х гг. прошлого века У. Липпман убедительно показал, что распространение информационных потоков приводит к формированию некоей «псевдосреды», представляющей собой упрощенный, искаженный и стереотипизированный образ внешнего мира, во многом предопределяющий отношение людей к окружающей действительности: «Поведение человека является

реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде» [Липпман 2004, с. 38].

Начало фундаментальных исследований эффективности массового информационного воздействия в политической сфере было положено ранними работами Г. Лассуэлла, образно представлявшего пропаганду «спящей тысячи и даже миллионы людей в единую переплавленную массу ненависти, воли и надежды», и одновременно выступающего в качестве «молота и наковальни общественной солидарности» [Lasswell 1927, p. 221].

В основе взглядов американского политолога лежали получившие в то время широкое распространение идеи, разработанные в русле теорий фрейдизма и бихевиоризма. Именно поэтому он говорил о всеобщем психозе, возникающем в период экономического и политического кризисов, которые делают человека беззащитным перед пропагандой. Пессимистичность данной конструкции не должна нас удивлять – она явилась ответом на острое осознание исследователями беззащитности общества перед информационной машиной, которая могла заставить людей воспринимать реальность в крайне искаженном виде. В 30-е гг. прошлого века они могли видеть примеры такого пропагандистского воздействия в целом ряде государств и пытались найти и предложить механизмы ограничения возникающих в процессе массовой коммуникации искажений информации.

Несколько позднее предложенная Лассуэлом модель получила критическую оценку со стороны ряда других исследователей. Так, в работах П. Лазарсфельда была высказана и аргументирована важная мысль о том, что сообщения, распространяемые по каналам массовой коммуникации, воспри-

нимаются респондентами с учетом уже сложившихся у них сознательных предпочтений, активизируя латентные мнения и интересы. Иными словами, индивид «сам себе отбирает пропагандистские сообщения, с которыми он заранее согласен, и блокирует те, с которыми он едва ли согласится» [Лазарсфельд 2018, с. 165].

Эта идея легла в основу более сложного взгляда на природу искажений информации в процессе политической коммуникации, которая была представлена в теории когнитивного диссонанса, сформулированной и доказанной Л. Фестингером в 1950-е гг. Согласно этой теории человек начинает испытывать чувство психологического дискомфорта, когда получает извне информацию, противоречащую или не соответствующую его собственным представлениям, воззрениям или убеждениям. При этом «в случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию» [Фестингер 1999, с. 17].

Однако подобное «бегство от истины» вовсе не означает для испытывающего диссонанс индивида обязательный «уход в никуда», а, напротив, предполагает возможность активного поиска достаточно убедительных, с его точки зрения, сведений и мнений, позволяющих подтвердить собственную правоту, что согласуется с базовыми положениями так называемой теории пользы и удовлетворения, выдвинутой примерно в то же время Э. Кацем. Ключевая идея данной теоретической конструкции состоит в том, что «ценности людей, их интересы, их ассоциации, их социальные роли имеют преимущественную силу и что люди избирательно «подгоняют» то, что они видят и слышат, под эти интересы» [Katz 1959, p. 3].

Не останавливаясь более подробно на развитии данных теоретических представлений, отметим, что к концу XX в. проблемы, которые интересовали преимущественно ученых, стали обретать актуальность для широкого круга людей, представлявших различные слои общества. Процессы вовлечения в политическую коммуникацию значительного количества населения – вначале через средства массовой информации, а затем, по мере распространения цифровых технологий, и через социальные сети – вывели проблему объективности фактов, связанную, в числе прочего, и с попытками намеренных манипуляций, из чисто научной сферы в область повседневной жизни обычного человека.

На рубеже XX и XXI вв. появляются работы, переносящие данную проблематику в публичную и политическую жизнь, в т. ч. такие, в которых авторы задумываются над тенденцией замещения фактов мнениями, вызывающими метаморфозы истинности и правды [Burgess A., Burgess J. 2011; Kirkham 1992; Künne 2003]. Тем не менее весьма примечательно, что активизация исследовательских поисков в этом направлении стала особенно заметной после победы Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. В частности, представления о «гибели истины» получили свое отчетливое выражение в книге публициста и лауреата престижной Пулитцеровской премии М. Какутани, ранее работавшего в «Нью-Йорк Таймс» [Kakutani 2018]. Известный журналист выступает с эмоциональной критикой современного мира и, в частности, США, оценивая нынешнее состояние американского общества как «отступление от разума». Автор с сожалением констатирует, что пришло время, когда сама идея объективной истины высмеивается и игнорируется обитателями Белого дома, когда широко распространяются

«теории заговора», которые поддерживаются средствами массовой информации в разных странах. В основе этого явления лежит мнение толпы, нивелирующее научные данные и опирающееся на предубеждения. Правда стала вымирающим видом в США, однако, как считает М. Какутани, этот упадок начался не вчера, а десятилетия назад. По мнению автора, указанные тенденции можно легко обнаружить в социальных сетях, в СМИ, в политике и даже в научных кругах.

В то же время известные политологи П. Норрис и Р. Инглахт объединили свои усилия для того, чтобы на материалах анализа американской политической действительности попытаться сделать обобщения, позволяющие понять подобные процессы, происходящие в других странах. В своей недавно вышедшей книге авторы обосновали теорию «культурного раскола», в соответствии с которой сегодня в западном мире возник новый вид социального расслоения [Norris, Inglehart 2019]. Быстрые культурные изменения, проблемы миграции и ухудшение экономических условий жизни вызвали среди тех, кто почувствовал наибольшую угрозу от происходящих перемен, появление «авторитарного рефлекса» – стремления подчеркнуть значимость поддержания коллективной безопасности на основе следования традициям, сохранения и демонстрации единства перед «чужаками» и проявления лояльности по отношению к сильным лидерам. Эта ориентация подкрепляется антиистеблишментными настроениями в обществе и популистской риторикой. В результате такая ситуация порождает новые тренды политической коммуникации, в основе которых лежат не классические операции информационного обмена, отвечающего интересам всех участвующих в нем сторон, а символическое выделение

«чужого», нападки на «других», попытки противопоставления «голоса народа» и «голоса элиты».

«Разрушение правды» в цифровом обществе: первые результаты исследований

Публикация монографии Дж. Каваны и М.Д. Рича «Разрушение правды: первоначальное исследование снижения роли фактов и аналитики в американской общественной жизни» [*Kavanagh, Rich* 2018] открывает масштабный проект, реализуемый известной американской корпорацией RAND. Обращение руководства, ученых и экспертов данной авторитетной организации к такой острой теме и в такой алармистской формулировке весьма показательное само по себе, демонстрирует, что проблема недоверия в цифровую эпоху становится одной из важнейших в исследовательской повестке.

Авторы монографии ставили перед собой три основные цели. Во-первых, они стремились создать теоретическую основу, которую политики, представители исследовательского сообщества и журналисты могли бы использовать для более эффективного и более строгого обсуждения феномена «разрушения правды», т. е. выработать набор четко определенных терминов, концепций и идей, способствующих пониманию, осмыслению и изучению данной проблематики. Во-вторых, в работе была поставлена задача определить возможности проведения эмпирических исследований, направленных на изучение деформации публичного дискурса, ее причин и последствий. Третья цель монографии – обозначить исследовательскую повестку для дальнейшего изучения «разрушения правды», направленного на разработку конкретных мер, способных восстановить

и укрепить доверие и уважение общества к фактам, данным и научному анализу действительности.

По мнению Дж. Каваны и М.Д. Рича, «разрушение правды» – это процесс, имеющий глубокие исторические корни, однако он усугубляется и стремительно ускоряется под воздействием распространения новейших информационно-коммуникационных технологий, представляя существенную угрозу демократическим принципам организации общественной жизни.

Авторы проанализировали более 250 статей и книг из источников, идентифицированных с помощью онлайн-баз данных Social Science Abstracts, PubMed и JSTOR. Кроме того, они отобрали и изучили материалы, предоставляемые Межуниверситетским консорциумом политических и социальных исследований (например, General Social Survey), а также результаты исследований, проведенных ранее такими авторитетными организациями, как Pew Research Center и Gallup.

В ходе своего исследования Д. Кавана и М.Д. Рич обратили внимание на три периода в истории США, когда в политико-коммуникационных процессах проявлялись напоминающие современную эпоху тенденции размывания границ между мнениями и фактами, а также снижения доверия к ключевым институтам как к источникам объективной информации:

- 1880–1890-е гг. – «золотой век», известный битвами за тиражи газет и появлением «желтой прессы»;
- 1920–1930-е гг. – десятилетия «ревущих двадцатых» и Великой Депрессии, время так называемой джазовой журналистики, рождения таблоидов и подъема радиовещания;
- 1960–1970-е гг. – период участия США во Вьетнамской войне, усиления государственной медийной

пропаганды, возникновение «новой журналистики» и возрождения журналистских расследований [Kavanagh, Rich 2018, pp. 41–78].

Конечно, такое историческое деление во многом носит вспомогательный характер: для авторов монографии указанные периоды стали, скорее, некими аналогами, с которыми в определенном отношении удобно сравнивать современную эпоху. Однако, несмотря на то, что исследование выявило некоторое снижение доверия к ключевым институтам в указанные периоды, сегодня данная тенденция выражена более отчетливо, чем в прошлом. Вместе с тем ни в одном из трех предшествующих периодов исследователи не обнаружили свидетельств заметных конфликтов и дискуссий по поводу различия конкретных фактов и субъективных мнений, связанных с их интерпретацией: эта тенденция наиболее ярко проявляется как раз в современном обществе.

В качестве эмпирической основы исследования был использован метод проведения структурированных дискуссий (как в группах, состоящих из 8–10 чел., так и индивидуальных) с экспертами и исследователями, представляющими различные научные дисциплины и области знания, охвативших в общей сложности около 170 чел. [Kavanagh, Rich 2018, p. 14].

Американские исследователи выделили и проанализировали четыре движущие силы, способствующие, по их мнению, развитию процессов «разрушения правды»:

1) Особенности когнитивной сферы, связанные с субъективной предвзятостью, т. е. такие способы обработки информации и принятия решений, которые заставляют индивидов искать сведения, подтверждающие уже сло-

жившиеся убеждения, основанные на личном опыте, привычках, традициях и соответствующих им суждениях и мнениях, высказываемых в СМИ и социальных сетях. Эти тенденции способствуют размыванию границ между мнениями и фактами и в целом ряде случаев позволяют мнениям подменять собой факты.

- 2) Трансформация коммуникационной среды, а именно – быстрое развитие социальных медиа, рост объема и скорости информационных потоков, в которых на фоне уменьшения относительной доли фактов и строгой аналитики все более заметную роль играют субъективные суждения, непроверенные сведения, спекуляции, слухи, а иногда и откровенная дезинформация, активно воздействующие на эмоции и внимание аудитории.
- 3) Особенности современного института школьного образования, определяющие запаздывание системы воспроизводства знаний по отношению к более динамичным изменениям в информационной сфере. Постоянно увеличивающийся разрыв между этими двумя областями способствует в конечном счете «разрушению правды», закладывая основы формирования общественно-го мнения, восприимчивого к потере и распространению дезинформации либо сведений, стирающих границы между фактами и субъективными точками зрения.
- 4) Нарастание поляризации в обществе в политическом, социально-экономическом и демографическом измерениях, обусловленной углублением противоречий и развитием конфликтов по

отношению к фактам и их интерпретациям. Конкурирующие и противостоящие друг другу в сетевом пространстве социальные группы проявляют тенденцию к самозамкнутости мышления и общения, создавая внутри себя закрытую коммуникационную среду, в которой распространяются предубеждения и ложная информация [Kavanagh, Rich 2018, pp. 79–174].

Хотя проявления этих четырех факторов во многом зависят от природы человеческого мышления, тем не менее есть основания полагать, что в определенной мере их воздействие может быть обусловлено целенаправленными усилиями отдельных акторов, преследующих собственные политические или экономические интересы. Например, некоторые медиаструктуры предпочитают делать ставку на распространение новостей, основанных на мнениях и комментариях экспертов, а не на тщательно проверенных фактах, поскольку это способствует уменьшению затрат и облегчает адаптацию содержания сообщений в расчете на конкретную аудиторию. Академические и аналитические организации также могут способствовать «разрушению правды», особенно в тех случаях, когда давление спонсоров или влиятельных заказчиков вынуждает их исказить и фальсифицировать выводы проведенных исследований, что в итоге подрывает доверие общества к научным институтам как к поставщикам объективной информации.

Проведенный американскими авторами анализ, несомненно, имеет важное практическое значение в плане изучения современного состояния и тенденций развития сферы политической коммуникации. Предлагаемая ими интерпретационная модель, построенная

на основе концепта «разрушения правды», позволяет не только диагностировать деформацию публичного дискурса, но и выявлять ограничения, препятствующие ведению содержательных дискуссий по важным политическим вопросам и темам и приводящие в конечном счете к «политическому параличу», под которым понимается тупиковая ситуация, связанная с невозможностью согласования позиций конкурирующих или конфликтующих сторон и достижения компромисса между ними по ключевым вопросам [Kavanagh, Rich 2018, p. 200]. Эта дисфункция, как показывают авторы исследования, способна привести к серьезным издержкам как в экономической сфере, так и в вопросах внешней политики и дипломатии, а также привести к снижению общественного доверия к деятельности органов власти и тем самым способствовать отчуждению граждан от политических и гражданских институтов.

Результаты анализа проявлений «разрушения правды», связанных с особенностями создания, распространения и восприятия новостных сообщений в цифровую эпоху, более подробно представлены во второй публикации исследователей корпорации RAND, вышедшей в свет в июле 2019 г. [Kavanagh et al. 2019].

Цель данного исследования состояла в том, чтобы дать количественную и качественную эмпирическую оценку тому, как с течением времени менялось представление новостных сюжетов на различных коммуникационных платформах: в традиционных печатных СМИ, программах широковещательного и кабельного телевидения, а также в современных цифровых медиа. Авторы работы сосредоточили свое внимание на изменениях в стиле освещения новостей, связанных с определением тональности, эмоциональной обра-

ски и степени субъективности распространяемых материалов. Анализ указанных стилевых изменений, а также количественная оценка их масштабов и роли в современных политико-коммуникационных процессах позволяют, как указывают авторы, восполнить недостаток в эмпирических данных, подтверждающих проявления двух из четырех тенденций, свойственных процессам «разрушения правды» – стирания различий и границ между фактами и мнениями, а также количественного роста распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, существенным образом влияющих на восприятие фактов [Kavanagh et al. 2019, p. 3].

Источниковой базой данного исследования послужили текстовые онлайн-архивы двух крупнейших общенациональных газет – The New York Times и The Washington Post, – а также влиятельного регионального издания St. Louis Post-Dispatch за период с 1 января 1989 г. по 31 декабря 2017 г., стенограммы ведущих новостных программ широковещательного телевидения American Broadcasting Company (ABC), National Broadcasting Company (NBC) и Columbia Broadcasting System (CBS), охватывающие этот же временной отрезок подборки программ трех основных сетей кабельного телевидения – Cable News Network (CNN), Fox News Channel и Microsoft/National Broadcasting Company (MSNBC) за 2000–2017 гг. – и материалы шести наиболее популярных в США сетевых изданий, хранящиеся в интернет-архиве Archive.org начиная с 2012 г. (Breitbart News, Buzz Feed Politics, Daily Caller, Huff Post Politics, Politico и TheBlaze) [Kavanagh et al. 2019, pp. 22–26].

Каждый из анализируемых массивов газетных материалов и стенограмм теленовостей был хронологически разделен на две части – до и после

1 января 2000 г., поскольку, как отмечают авторы исследования, примерно в это время в американской медиainдустрии произошли два серьезных изменения: во-первых, с этого года резко увеличилась аудитория всех трех основных сетей кабельного телевидения и, во-вторых, количество пользователей Интернета превысило 50% от общего числа граждан США [Kavanagh et al. 2019, p. 33].

Для сравнительного анализа текстов источников применялся разработанный в корпорации программный модуль RAND-Lex, алгоритм действия которого основан на вычислении частоты использования в исследуемых материалах определенных слов, словосочетаний и фраз, соотносимых с набором лингвистических характеристик, сгруппированных в 15 смысловых категорий. Так, например, выражения «я чувствую, что...», «я уверен...», «мне кажется...», «я полагаю...» отнесены к категории «личная точка зрения»; слова и словосочетания «я сожалею...», «радость», «страх», «вызывает опасение, что...» – к категории «эмоции»; «все», «каждый», «исключительно», «больше», «меньше», «в частности», «конкретно» – к категории «уточнение» и т. д. [Kavanagh et al. 2019, pp. 36–39].

Исследование показало, что на протяжении всего рассматриваемого периода при освещении новостей в газетных публикациях сохранялся так называемый стиль репортажа, однако в плане использования языковых средств произошли заметные количественные изменения. Например, в публикациях до 2000 г. преимущественное внимание уделялось конкретным событиям и контексту, в котором они происходили, чаще упоминались время, официальные названия организаций, учреждений, должностей, нередко использовалась уточняющая лексика для раскрытия деталей новостных сюжетов. После

2000 г. репортажи все более приобретают повествовательный, а не аналитический характер, при этом в них стали отчетливее проявляться личные точки зрения, мнения и эмоции авторов и комментаторов.

Аналогичные изменения отмечены и в сфере широкоэвещательной тележурналистики: после 2000 г. происходит постепенный сдвиг от традиционных репортажей, которым было свойственно использование точного и конкретного языка и обязательного обращения к официальным источникам, к более свободному и субъективному освещению новостей, не всегда подкрепляемому необходимой фактологической аргументацией, а также к интервью и беседам с приглашенными экспертами, высказывающими свои личные оценки и мнения по поводу происходящих событий.

Исследование эмпирически подтвердило наличие существенных различий в характере новостных программ широкоэвещательного и кабельного телевидения. Представление новостей на кабельных каналах продемонстрировало использование более простого, местами жесткого, но в то же время менее конкретного языка, привязанного к содержанию материалов, которое основывалось главным образом на выражении мнений, а не на освещении событий. Однако, по мнению авторов, данное явление можно объяснить, принимая во внимание различные цели и бизнес-модели обеих телевизионных платформ: «Кабельное телевидение, особенно в прайм-тайм, ориентировано на более узкую аудиторию и использует мнения и провокационные материалы для привлечения ее внимания; тогда как эвещательное телевидение нацелено на более широкую аудиторию и придерживается традиционных форм репортажей» [Kavanagh et al. 2019, p. 95].

Сравнительный анализ газетных публикаций и материалов интернет-журналистики показал, что стиль представления новостей в прессе во многом сохранил традиционные для данной коммуникационной платформы черты, хотя отчасти и утратил аналитичность, став более описательным. Тем не менее в газетных репортажах, как и прежде, делается акцент на месте и времени совершения конкретных событий, на позициях и роли их непосредственных участников, присутствуют ссылки на официальные данные, нередко сопровождаемые рассуждениями ретроспективного плана. Напротив, освещение новостей в большинстве сетевых публикаций характеризуется использованием более простого, близкого к разговорному языку, и в содержательном плане оказывается менее информативным, но более эмоциональным, поскольку в нем преобладают не факты, а личные мнения и оценки авторов материалов, что, вероятно, можно истолковать как стремление оказать на аудиторию определенное убеждающее воздействие.

Подводя итоги своего исследования, авторы монографии делают достаточно осторожный вывод о том, что существует «постепенный и тонкий сдвиг, наблюдаемый как во времени, так и между «старыми» и «новыми» медиа, в сторону более субъективной формы журналистики, основанной не столько на прецедентах, сколько на личных позициях» [Kavanagh et al. 2019, p. 125]. Несмотря на то, что данный вывод согласуется с концепцией «разрушения правды», подтверждая существование тенденций к размыванию границ между фактами и мнениями и количественному росту распространяемых в медиасреде частных точек зрения, стремящихся оказать определенное влияние на восприятие действительности, авторы призывают проявлять осмотритель-

ность в плане обобщения полученных результатов, поскольку они «относятся к конкретным источникам и отрезкам времени» [Kavanagh et al. 2019, p. 126].

Действительно, авторы данного исследования сосредоточили свое внимание только на изучении газетных публикаций, программ широкоэвещательного и кабельного телевидения и новостных сюжетов сетевой журналистики. На наш взгляд, для получения более репрезентативных результатов было бы целесообразно провести в будущем крупномасштабное исследование, значительно расширив для него круг привлекаемых источников за счет влиятельных новостных журналов, к числу которых можно отнести, например, такие американские издания, как Time и перешедший в 2013 г. с печатного на цифровой формат еженедельник Newsweek, а также стенограммы радиорепортажей и, конечно, материалов, размещаемых в социальных сетях.

В заключение отметим, что изучение феноменов «разрушения правды» находится на начальном этапе своего развития и пока базируется только на анализе американских источников. Не приходится сомневаться, что в дальнейшем подобные исследования должны охватить и другие страны, в т. ч. Россию. Это позволит определить как универсальные, так и особенные, присущие конкретной социокультурной среде проявления данных феноменов и наметить основные пути нейтрализации их деструктивного воздействия.

Преодоление последствий «разрушения правды» является сложной и многогранной задачей, решение которой в каждой стране должно осуществляться с учетом сложившихся культурных традиций. Это, однако, не означает каких-либо попыток «отката назад», вынужденного отказа от технико-технологических инноваций, которые

принесла с собой цифровая эпоха. Современный мир не сможет вернуться к тому состоянию, в котором он находился до появления спутниковой связи, Интернета и социальных сетей. Выход из лабиринта «разрушения правды» видится в поисках использования возможностей, создаваемых новыми разработками, для отстаивания фактов, сопротивления потоку дезинформации и субъективных оценок, опирающегося на культурное наследие, которое является необходимым условием существования общества. Осознание данной проблемы представляется крайне актуальным как для политиков, так и для представителей исследовательского сообщества.

Список литературы

- Бродовская Е.В. (2019) Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. Т. 27. № 4. С. 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
- Бурдые П. (1993) Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos. С. 55–97.
- Виноградов В.В. (1999) История слов. М.: Институт русского языка.
- Володенков С.В. (2019) Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16
- Коньков А.Е. (2019) Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 6. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1

Красовская Н. (2020) Жизнь в эпоху постправды // Pravda.ru. 12 февраля 2020 // https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/, дата обращения 21.05.2020.

Кун Т. (2001) Структура научных революций. М.: АСТ.

Лазарсфельд П. (2018) Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» // Социологический журнал. Т. 24. № 4. С. 154–176. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6102

Липпман У. (2004) Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Мануков С. (2015) Тайна происхождения капитала Ротшильдов // Эксперт Online. 4 мая 2015 // <https://expert.ru/2015/05/4/kapital-rotshildov/>, дата обращения 21.05.2020.

Маркс К. (1959) К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 1–167.

Платон (1994) Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. С. 79–420.

Попова О.В. (ред.) (2018) «Политика постправды» и популизм. СПб.: Скифия-принт.

Сморгунов Л.В. (ред.) (2018) Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект Пресс.

Федорченко С.Н. (2018) Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? // Вестник Московского государственного областного университета. № 2. С. 189–203. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-896

Фестингер Л. (1999) Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента.

Флек Л. (1999) Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительно-

го коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Фромм Э. (1992) Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. С. 299–374.

Шестов Л. (1993) Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука. С. 15–312.

Эксперты РАСО: Черные лебеди кружат над нами. Публичное действие в условиях «обнуления» (2020) // КРОС. 9 апреля 2020 // <https://vc.ru/marketing/119016-eksperty-raso-chernye-lebedi-kruzhat-nad-nami-publichnoe-deystvie-v-usloviyah-obnuleniya>, дата обращения 21.05.2020.

Burgess A., Burgess J. (2011) Truth, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Flood A. (2016) “Post-truth” Named Word of the Year by Oxford Dictionaries // The Guardian, November 15, 2016 // <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries>, дата обращения 21.05.2020.

Flood A. (2017) Fake News Is “Very Real” Word of the Year for 2017 // The Guardian, November 2, 2017 // <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>, дата обращения 21.05.2020.

Kakutani M. (2018) The Death of Truth: Notes on Falsehood in the Age of Trump, New York: Tim Duggan Books.

Katz E. (1959) Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for This Journal // Studies in Public Communication, vol. 2, pp. 1–6 // https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers, дата обращения 21.05.2020.

Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. (2019) News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and Across Media Platforms,

Santa Monica, California: RAND Corporation.

Kavanagh J., Rich M.D. (2018) *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*, Santa Monica, California: RAND Corporation.

Kirkham R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Krugman P. (2011) *The Post-Truth Campaign* // *The New York Times*, December 23, 2011 // <https://www.nytimes.com/2011/12/23/opinion/krugman-the-post-truth-campaign.html>, дата обращения 21.05.2020.

Künne W. (2003) *Conceptions of Truth*, Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Lasswell H.D. (1927) *Propaganda Technique in the World War*, London: Ke-

gan Paul, Trench, Trübner & Co, Ltd; New York: Alfred A. Knopf.

Mathieu-Dairnvaell G.-M. (2013) *Histoire Edifiante et Curieuse de Rothschild Ier, Roi des Juifs*, Paris: Hachette Livre-BnF.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the Rise of Authoritarian-populism*, New York: Cambridge University Press.

Secretary-General's Remarks to the General Assembly on His Priorities for 2020 (2020) // United Nations Secretary-General, January 22, 2020 // <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-01-22/secretary-generals-remarks-the-general-assembly-his-priorities-for-2020-bilingual-delivered-scroll-down-for-all-english-version>, дата обращения 21.05.2020.

Tesich S. (1992) *A Government of Lies* // *The Nation*, no 254(1), pp. 6–13.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review)

Mikhail N. GRACHEV

DSc in Politics, Professor of the Department for Theoretical and Applied Political Science of the Division for History, Political Science and Law of the Institute for History and Archives

Russian State University for the Humanities, 125993, Miuskaya Sq., 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: grachev.m@rggu.ru

ORCID: 0000-0002-4211-3711

Roman V. EVSTIFEEV

DSc in Politics, Leading Researcher

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 600017, Gorkogo St., 59a, Vladimir, Russian Federation

E-mail: roman_66@list.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

CITATION: Grachev M.N., Evstifeev R.V. (2020) The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 229–248 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Received: 10.03.2020.

ABSTRACT. *The emergence of the “post-truth” phenomenon as the dominance of emotions and opinions over facts, the widespread dissemination of false information, and the rapid growth of fake news in the modern political communication space are the external manifestations of a more complex system of challenges, the basis of which lies in the changed nature of the media environment and ways of processing information by people’s minds, which, in turn, are caused by prevailing political and economic relations. This system of challenges is called “Truth Decay” and characterized by a set of four interconnected and interdependent trends in the contemporary political communication processes: the increase of the contradictions between facts and interpretations of these facts; the erasure of the*

differences between facts and opinions; the amplification of the opinions and personal points of view influence on the perception of facts; the drop of the mass audience confidence to the sources of information that were previously considered as authoritative. It is obvious that the indicated tendencies were appeared earlier, but their impact on the public consciousness becomes especially more significant and noticeable with the advent of the “digital era”. There is reason to consider that this indicated impact in a certain extent may be due to the premeditated efforts of some political actors pursuing their own interests. The authors are analyzed the recently published results of studies conducted by specialists of the RAND Corporation, which are clearly demonstrated the erosion of the civil discourse and con-

vincingly explain it from the standpoint of the "Truth Decay" concept. This research area is innovative for the modern political science and is so far based solely on the analysis of the materials concerned to American realities. However, the authors are believed that the results reached by the scientists from the USA are more general and this conclusions can be used for the study of the modern political communication in processes other countries.

KEY WORDS: political communication, Truth Decay, post-truth, fake news, digital age, communication environment transformation, public discourse, interpretation of facts

References

- Bourdieu P. (1993) The Social Space and the Genesis of Classes. *Bourdieu P. Sociology of Politics*, Moscow: Socio-Logos, pp. 55–97 (in Russian).
- Brodovskaya E.V. (2019) Digital Citizens, Digital Society and Digital Citizenship. *Vlast'*, vol. 27, no 4, pp. 65–69 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
- Burgess A., Burgess J. (2011) *Truth*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Fedorchenko S.N. (2018) Political Hologram: A New Possibility of Communication or Phantom Menace 3D Handling a Digital Society? *Bulletin of Moscow Region State University*, no 2, pp. 189–203 (in Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-896
- Festinger L. (1999) *A Theory of Cognitive Dissonance*, Saint Petersburg: Uventa (in Russian).
- Flek L. (1999) *Genesis and Development of a Scientific Fact: An Introduction to the Theory of Thinking Style and Thinking Group*, Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi (in Russian).
- Flood A. (2016) "Post-truth" Named Word of the Year by Oxford Dictionaries. *The Guardian*, November 15, 2016. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries>, accessed 21.05.2020.
- Flood A. (2017) Fake News Is "Very Real" Word of the Year for 2017. *The Guardian*, November 2, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>, accessed 21.05.2020.
- Fromm E. (1992) From the Captivity of Illusions. *Fromm E. The Soul of Man*, Moscow: Respublika, pp. 299–374 (in Russian).
- Kakutani M. (2018) *The Death of Truth: Notes on Falsehood in the Age of Trump*, New York: Tim Duggan Books.
- Katz E. (1959) Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for This Journal. *Studies in Public Communication*, vol. 2, pp. 1–6. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers, accessed 21.05.2020.
- Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. (2019) *News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and Across Media Platforms*, Santa Monica, California: RAND Corporation.
- Kavanagh J., Rich M.D. (2018) *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*, Santa Monica, California: RAND Corporation.
- Kirkham R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Konkov A.E. (2019) Digitalization in Political Relations: Planes for Perception and Mechanisms for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 6, pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1
- Krasovskaya N. (2020) Life in the Post-Truth Epoch. *Pravda.ru*, February 12, 2020. Available at: <https://www.pravda>

ru/science/1473851-feik_seti/, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Krugman P. (2011) The Post-Truth Campaign. *The New York Times*, December 23, 2011. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/12/23/opinion/krugman-the-post-truth-campaign.html>, accessed 21.05.2020.

Kuhn T. (2001) *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow: AST (in Russian).

Künne W. (2003) *Conceptions of Truth*, Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Lasswell H.D. (1927) *Propaganda Technique in the World War*, London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, Ltd; New York: Alfred A. Knopf.

Lazarsfeld P.F. (2018) Preface and Introduction to the Second Edition of “The People’s Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Election Campaign”. *Sociological Journal*, vol. 24, no 4, pp. 154–176 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6102

Lippmann W. (2004) *Public Opinion*, Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie» (in Russian).

Manukov S. (2015) The Secret of the Rothschild Capital Origin. *Expert Online*, May 4, 2015. Available at: <https://expert.ru/2015/05/4/kapital-rotshildov/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Marx K. (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy. *Marx K., Engels F., Works*, 2nd ed., vol. 13, Moscow: Gospolitizdat, pp. 1–167 (in Russian).

Mathieu-Dairnvaell G.-M. (2013) *Histoire Edifiante et Curieuse de Rothschild Ier, Roi des Juifs*, Paris: Hachette Livre-BnF.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the Rise of Authoritarian-populism*, New York: Cambridge University Press.

Plato (1994) The Republic. *Plato, Collected Works*, in 4 vols, vol. 3, Moscow: Mysl', pp. 79–420 (in Russian).

Popova O.V. (ed.) (2018) “*Post-truth Politics*” and *Populism*, Saint Petersburg: Skifia-print (in Russian).

RAPR Experts: Black Swans Are Circling above Us. Public Action in the “Zeroing” Condition (2020). CROS, April 9, 2020. Available at: <https://vc.ru/marketing/119016-eksperty-raso-chernye-lebedi-kruzhat-nad-nami-publichnoe-deystvie-v-usloviyah-obnuleniya>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Secretary-General’s Remarks to the General Assembly on His Priorities for 2020 (2020). *United Nations Secretary-General*, January 22, 2020. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-01-22/secretary-generals-remarks-the-general-assembly-his-priorities-for-2020-bilingual-delivered-scroll-down-for-all-english-version>, accessed 21.05.2020.

Shestov L. (1993) Potestas Clavium (The Power of Keys). *Shestov L., Works*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Nauka, pp. 15–312 (in Russian).

Smorgunov L.V. (ed.) (2018) *Public Policy: Institutions, Digitalization, Development*, Moscow: Aspect Press Ltd (in Russian).

Tesich S. (1992) A Government of Lies. *The Nation*, no 254(1), pp. 6–13.

Vinogradov V.V. (1999) *The History of Words*, Moscow: Institut russkogo yazyka (in Russian).

Volodenkov S.V. (2019) Influence of Internet Communication Technologies on Contemporary Social and Political Processes: Scenarios, Challenges, and Actors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 341–364 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16